

Советская культура и ценности модерна: официоз и повседневность

Чернявская Ю. В.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет
культуры и искусств», Минск

С начала постсоветского периода в гуманитаристике господствует следующий топос: советская власть отбросила общество на семьдесят лет по сравнению с цивилизованными странами. При этом представляется недооцененным факт, что ряд ведущих советских ценностей в точности соответствовал темам современного проекта в современном западном понимании. Какова судьба этих идей и ценностей в СССР? В чем причины того, что модернизация на постсоветском пространстве даже спустя 20 лет после распада СССР не состоялась, а приняла симулятивные «догоняющие» формы?

В этой статье автор понимает Модерн не в искусствоведческом, а в современном культурологическом контексте (Э. Гидденс, П. Бергер, Ю. Хабермас и др.) – как стиль современной цивилизации (Modernity), возникший в результате капитализма и индустриализма, но ими не ограничившийся. Ведущие «темы» (тенденции, идеи) западного современного проекта определил социолог Петер Бергер. Это Будущее, Абстракция, Освобождение, Индивидуация и Секуляризация. Все они возникли на Западе, но во властном дискурсе СССР признавались «уникальными», поскольку идеал коммунизма претендовал на абсолютную новизну и непревзойденность.

Ключевые слова: модерн, культурологический контекст, СССР.

Soviet Culture and Values of Modernity: the Official and the Everyday

Cherniavskaya Yu. V.

Educational establishment «Belarusian State University of Culture and Arts», Minsk

Since the beginning of the post Soviet period in humanitarian studies the following topos has been reigning: Soviet power threw the society seventy years back compared to civilized countries. At the same time the fact that some leading Soviet values exactly corresponded the topics of the Modernity project in the contemporary Western understanding seems to be underestimated. What is the destiny of the ideas and values in the USSR? What are the reasons why modernization in the post Soviet space even 20 years after the collapse of the USSR didn't take place but took simulation, «keeping up» forms?

The author understands Modernity not in the art but in the contemporary cultural context (E. Giddens, P. Berger, U. Habermas and others) – as the style of contemporary civilization which emerged as a result of capitalism and industrialism but not limited by them. Leading topics (tendencies, ideas) of the Western Modernity project were defined by sociologist Peter Berger. This is Future, Abstraction, Liberation, Individualization and Secularization. They all emerged in the West but in the authoritarian discourse of the USSR were considered unique since the ideal of communism claimed to be absolutely new and unobtainable.

Key words: Modernity, cultural context, USSR.

С нашей точки зрения, именно неучитываемые властью «низовые» практики советской повседневности во многом и явились причиной развала СССР – сперва идейного, а затем и фактического.

Цель статьи – анализ преломления темы Модерна в общественном сознании, а также ракурсы,

благодаря которым модернизация в СССР претерпела сбой не только на уровне действий, но и – первично – на уровне дискурса.

Будущее в идеологических представлениях и культуре. Центральной в советской идеологии была тема Будущего. На базисном уровне она выразилась в образе единственного справедливого государства в мире, отвергшего свое порочное прошлое. В этом самоопределении уже кроется идея Будущего. Такое совершенное государство может существовать именно как образ, обещание: оно по определению не может реализоваться в настоящем. Его достижению мешают «враги», «пятая колонна», «родимые пятна буржуазного быта» и т. д. Напротив, все победы СССР – от Великой Отечественной войны и до полета Гагарина, от научно-технических открытий и до спортивных триумфов служили подтверждениями правильно избранного курса в будущее. На более приземленном уровне тема Будущего выражалась в плановом характере экономики («семилетка», «пятилетка» и т. д.). На уровне культуры с нею связана огромная роль школьного и внешкольного образования («Дети – наше будущее»).

Долгое время тема Будущего разделялась большинством граждан СССР: люди видели действительные причины, по которым настоящее не могло быть светлым. Светлое же будущее откладывалось на время «после военного коммунизма», «после разрухи», «после войны», у части населения – «после Сталина», т. е. на время неопределенное. Тем не менее, в массе эта идея не вызывала недоверия. Люди видели реальность изменений и понимали, что этот путь не может быть кратким. Реальными были не только изменения, но и бедствия: они тоже требовали времени для преодоления. Но не менее значимым представляется более глубинное обстоятельство: в стране, где свыше 80% населения исторически были бесправными крестьянами, устойчиво сохранялся утешительный религиозный посыл – награда мира горнего за страдания в мире дольнем. Кстати, с этой точки зрения, советский лозунг «Дети – наше Будущее» без противоречий вкладывался в одну вековую идею домодерного человечества – идею Рода. Тем не менее, когда в 1961 г., в выступлении на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев пообещал построить коммунизм через двадцать лет, эту фразу окрестили «самым коротким анекдотом». Вряд ли критическое отношение к этому слогану было симптомом тотального неверия народа в коммунизм, скорее, скепсис объяснялся отношением к особой харизме вождя, а также краткостью срока, в который предполагалось достичь провозглашенной цели.

Впрочем, пока партия исповедовала коммунизм всерьез, массы верили хотя бы в искренность начинаний. И лишь когда в конце шестидесятых годов, когда «верхи» начали нейтрализовать этот романтически-оптимистический идеал, стало ясно: вера в сильное, красивое, настоящее будущее – пусть даже на маниловском уровне – для многих служила оправданием жизни. Тем самым идея коммунизма перестала быть связующей в тандеме «история – биография», где биография отдельного человека является сколом всего социума.

Абстракция как современная тема. Абстракции – ведущая в любом индустриально-урбанистическом, бюрократическом обществе тема [1]. Отсюда противостоящий герметичным людским сообществам (общинам, кругам, «свету») образ масс, в СССР обладавший положительной семантикой (трудовые массы, народные массы). Отсюда же образы «абстрактных, неличных, посредников» между людьми, например, конвейера [2]. Он красной линией проходил по самоощущению советского человека, найдя свое отражение и в кино, и в литературе. Сюда также можно отнести институты, обладающие надличностным характером: четко выявленные государственные органы; институты контроля и надзора; унифицированное образование; пресса и т. д. Добавим: эти механизмы и институты свойственны любому современному обществу, но в СССР переход от семейной экономики, малого предприятия, общины произошел стремительно, и оттого абстрагирование повседневности еще долгое время имело смешанные, микшированные формы (например, работа на заводе при сохраненном крестьянском быте жителей городских окраин; пользование новым, государственным языком при сохранении аутентичного этнического синтаксиса и произношения и т. д.).

Важно и средство распространения информирующего механизма в массах: по крылатому выражению М. Маклюэна, «the medium is the message» [3]. Каким образом можно было кратко и емко довести идеи государства до масс (большая часть которых еще долгие годы оставалась малограмотной)? Путем «картинки» – лозунга, плаката, стенда, еще более абстрагирующих жизнь людей, сводящих человека к общему образу, числу, проценту на диаграмме. Можно говорить даже о своего рода «культуре лозунга» в СССР. Однако уже к концу 1950-х сила лозунга девальвировалась.

Появлялись и развивались другие, более сложные возможности контакта власти и граждан: радио, кино и особенно телевидение. Однако они же и усложняли картину мира советского человека. Тем самым, лозунг, не объясняющий действительность, а служащий простейшим заклинанием, лозунг, как мантра, требующая веры и мобилизующая весь народ на действия, утерять связь с реальностью. Важно и следующее: лозунги имеют силу в ситуации сопротивления враждебному окружению, но не в мирной действительности. И несмотря на то, что в целях консолидации социума СССР постоянно моделировал ситуацию подспудной войны с внутренним и / или внешним врагом, к последнему периоду его существования (т. н. «застоя»), лозунги приобрели характер декларативных клише, не имевших соответствий с частной жизнью людей. Это было осознанно на массовом уровне и выразилось в многочисленных анекдотах и парафразах («У нас все ради человека, во имя человека, и я знаю, как зовут этого человека» или «Сахаров – ум, честь и совесть нашей эпохи»¹).

Тема Освобождения в советской культуре. Она выражена даже ярче, нежели предыдущие. Она репрезентовалась в двух идеологемах: освобождение от социальной несправедливости и освобождение от врага (внутреннего и внешнего). Первая идеологема, неотъемлемая от идеи модернизации и противоположная креационизму, предполагает постулат изменения вещей, людей и статусов – и в этом смысле возникший на останках империи социальный лифт (образовательный, карьерный), безусловно, явился механизмом, эмансипирующим большие массы людей.

Именно борьба нарождающегося и отжившего («попы», «буржуи», баи, басмачи, кулаки и т. д.) – лейтмотив первых десятилетий советской власти. Те или иные козлы отпущения понимались как неизбежные жертвы модернизации («социалистического строительства»), живущие старым порядком, старыми воззрениями и тянущие социум назад. Все враждебное в публичной сфере ассоциировалось с вчерашним днем – в том числе, и в 30-е годы, несмотря на то, что именно к их середине в результате Большой сделки (В. Данэм) [4] стало проявляться тяготение к предшествующему имперскому стилю (в образовании, в армейской службе, в создании «новой буржуазии»). Однако логика борьбы продолжала свое существование вплоть до самого конца СССР (буржуазные националисты, троцкисты, «враги народа», «безродные космополиты», «убийцы в белых халатах», диссиденты и т. п.).

Тем самым тема Освобождения в СССР находила оправдание не только материальной дефицитарности, но и человеческим жертвам. Разумеется, в ходе истории образы претерпевали изменения, но связка «Испытание – Враг – Жертва», связка архаическая, мифологическая, оставалась нерушимой, и в какой-то мере объясняла отличия между лозунговой действительностью и реальностью повседневности – и в сталинский период, а для большинства даже и позже. Испытание, Враг и Жертва – эти образы в сознании большинства были несокрушимы: менялось их содержание, но не суть. Отметим: все эти образы коллективны: они прочно увязывают историю страны с биографией человека, нивелируя биографию в целях истории.

Тема Индивидуации. Тема Освобождения тесно связана с темой Индивидуации, эмансипации личности от социальных заданностей: потому далее мы будем говорить об этих темах в контексте их единства и – одновременно – противоречия между ними. Нельзя сказать, что хоть в какой-то стране, включая западные, дилемма «личность – общество» была разрешена в полной мере: скорее, можно говорить о постоянном поиске консенсуса между благополучием общества и свободами групп и отдельных личностей. Но в СССР, который держался на принципе монолитности, такой подход был невозможен. Идеологически выход из ситуации артикулировался как постоянное возвращение к теме войн и революции – к тяжким испытаниям для народа, вследствие чего лишения (в том числе, жертва личными свободами) представлялись полностью оправданными.

«Совершенно очевидно, – писал П. Бергер, – что есть два противоположных понимания освобождения в сегодняшнем мире: освобождение индивида от судьбы любого рода (социальной, политической и даже биологической) и освобождение его от аномии, которое характерно для состояния без судьбы. Проще говоря, существует идеал освобождения как выбор и идеал освобождения от выбора» [1]. Если первое понимание в СССР проявлялось в дискурсе героизма в годину испытаний, то второе было уделом масс в повседневности: при этом подразумевалось, что в ситуации, вынуждающей к героизму, человек автоматически сделает верный выбор. Не удивительно, что тема Освобождения постепенно и неуклонно слилась с памятью о войне – как в масштабе многомиллионного социума, так и моделируемой «на местах» путем метафор. Метафоры «борьбы»

¹ Лозунг звучал: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи».

или «битвы», распространенные в советском официальном дискурсе, латентным путем оседали в обыденном сознании людей (классовая борьба, битва за пятилетку, битва за урожай... В этом смысле особенно показателен оксюморон «борьба за мир»).

Однако если сразу после революции и войн и партийные «верхи», и людские массы понимали идеал «свободы» как самоцель всего гигантского советского «организма», то к концу 1960-х постепенно нарастает разрыв: коллективная свобода от врага – и свобода как неотъемлемые права личности. Разумеется, речь идет, в первую очередь, о картине мира интеллигенции, но 1960-е и являлись триумфальным временем именно для этой страны: она, как никогда более, влияла тогда на сознание общества.

В свете этого становится явным один из парадоксов советской идеологической структуры: наряду с идеей массового освобождения все острее стоял вопрос об индивидуации личности. В этом – один из сбоев социокультурного советского дискурса: декларируемая сверху свобода всего общества в обмен на свободы личности (в сфере слова, убеждений, вероисповедания, передвижений и т. д.) тем самым индивидуация становится все более и более проблематичной в мироощущении людей.

Тема Индивидуации, как определяет ее антрополог Наталия Козлова, «связана, прежде всего, с возникновением биографической идентичности и приватного пространства» [2]. Следует признать: в первые десятилетия после революции биографическая идентичность большинства без противоречий вписывалась в пространство государственной риторики. Именно в советские годы «новый человек» – как правило, бывший крестьянин, стал думать о себе в терминах личной идентичности. Однако вследствие пиетета образования и декларируемого идеала «культурности» к 1960-м годам возникло перепроизводство интеллигенции. В силу несоответствия уровня мышления и возможностей социального лифта она резко ощущала собственную невостребованность в стране, позиционирующей себя как государство рабочих и крестьян. Если в 1950-е маргинальное самоощущение интеллигенции оправдывалось тяготами войны, в 1960-е объяснялось последствиями сталинизма, то уже с 1968 года, с событий в Чехословакии и свертывания «оттепели», значительное число образованных людей перестало считать государство своим.

Какой выход нашли эти люди? Внутри общей декларируемой свободы появлялись оазисы личной и даже групповой свободы – в основном связанной с реализацией творческих задач (движение авторской песни, народные театры, литературные студии и т. д.). Наиболее страстные и разочарованные шестидесятники становились диссидентами. Попытка освободиться и освободить – красная линия советской культуры в 1970-х и начале 1980-х. Именно в этом плане диссиденты-антисоветчики и являлись последними советскими идеалистами.

Наиболее мучительной лакуной для интеллигенции представлялось отсутствие свободы слова. Невозможность передвижения по миру несколько амортизировалось масштабами и разнообразием Советского Союза, а отсутствие свободы вероисповедания (массированный удар по которой нанесли не только 1920-е, но и хрущевские атеистические кампании), к 1970-м уже не воспринималось как значительная проблема.

Здесь мы переходим к последней теме Модерна – теме **Секуляризации**, которая в СССР выражалась не менее противоречиво, чем предыдущие.

С одной стороны, секуляризация в государстве, где религия под запретом, является несомненной. С другой стороны, многие исследователи справедливо отмечают столь же несомненную узаконенность советского атеизма в качестве своего рода религии (инициации, агиографии советских героев, «святые имена» и «священные места», культ тела Ленина, сходство морального кодекса строителя коммунизма с религиозными заповедями и т. д.). Можно аргументированно предположить, что истинная секуляризация в СССР проходила не по грани отношения «Божественное–Мирское», а по грани отношения «Сакральное–Профанное», понятого в гораздо более широком смысле. Потому о Секуляризации как о теме советского Модерна следует говорить в контексте ценности земной (она же единственная) жизни, противоречащей, с одной стороны, религиозным догматам, а с другой (чем далее, тем более) – аскетическим идеалам первых десятилетий советской власти и священным образам советской культуры. В стране, где базисом по умолчанию считается материальное, а идеалы диктуют отречение от «собственничества», неизбежна коррозия именно идеальной составляющей – особенно, если учитывать опыт не бессеребренника-идеалиста, а «человека дефицитарного» (термин Юрия Левады), образ, который сложился уже в начале 1970-х.

Заключение. Опыт советской модернизации, который понимался в СССР как «особый», «уникальный» путь на уровне идей отличался от аналогичных западных процессов значительно

менее, нежели того хотелось коммунистическим идеологам. Проблема их реализации в советском варианте состояла в попытке исключения необходимых спутников «модерной цивилизации» – приватности, плюральности и необходимых рисков Модерна, главный из которых – неизбежный отход человека от коллектива, компромисс между дисциплинарными практиками и возможностями Я.

В остальном советское общество было не просто обществом Модерна, но обществом усугубленного, «крайнего модерна». Поспешный, обгоняющий современный проект в СССР был накинута на традиционное по своей структуре общество, как до того было накинута ярмо крепостного права. Однако если внерефлексивное приятие вековых социокультурных практик возможно в течение долгих исторических периодов, то современный проект реализуется лишь в единстве биографической идентичности и общественной рефлексии. Итогом этого противоречия и явилась следующая парадоксальная ситуация: «Хотя крушение системы было невозможно представить, пока оно не началось, оно никого не удивило, когда произошло» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер, П. Понимание современности / П. Бергер // Социологические исследования. – 1990. – № 7. – С. 127–133.
2. Козлова, Н. Н. Социально-историческая антропология / Н. Н. Козлова. – М.: Ключ-С, 1998. – С. 113.
3. McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man / M. McLuhan. – Cambridge: The MIT Press, 1994. – P. 61.
4. Dunham, Vera S. In Stalin's Time. Middle-class Values in Soviet Fiction. Introduction by Jerry F. Hough. First paperback edition / Vera S. Dunham. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 274–283.
5. Yurchak, Alexei. Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation. – Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2006. – P. 1.

Поступила в редакцию 06.10.2014 г.